

СМЕРШ —
спецназ Сталина

АРХИВ СМЕРТНИКОВ

Александр Тамочников

СМЕРШ – спецназ Сталина

Александр Тамоников

Архив смертников

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Архив смертников / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2017 — (СМЕРШ – спецназ Сталина)

ISBN 978-5-04-089603-5

1943 год. Белоруссия. Капитану СМЕРШ Алексею Макарову поручено найти и вывезти в безопасное место архив школы Абвера. Немцы тоже охотятся за оставленными при отступлении документами. Группа Макарова попадает в засаду. Все, кроме капитана, погибают. Его, раненного, подбирают партизаны, которыми командует старший лейтенант НКВД Эмма Кушинская. У них то же задание, что и у контрразведчиков: не дать фашистам вывезти в Германию секретный архив. Макаров и Эмма готовят дерзкую операцию по захвату бумаг. Когда все готово к стремительному удару, соратница вдруг решает раскрыть капитану, кто она есть на самом деле...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089603-5

© Тамоников А. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	22
Глава четвертая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Тамоников

Архив смертников

© Тамоников А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Глава первая

До хутора Ольховый по прямой оставалось метров триста – через сохлую речушку и гущу тальника. Если по дороге, заросшей чертополохом, – то куда дальше. Такое ощущение, что ее тянули какие-то нетрезвые лешие – лишь бы запутать людей. Местность капитан Макаров приблизительно знал. Он загнал свой «виллис» повышенной проходимости в ближайшую пологую низину, побежал обратно, стойко игнорируя грозди переспевшей малины, свисающие с веток, пересек дорогу и, глянув на «командирские» часы, способные выдерживать все, кроме пули, расстроился, долго, капитан, слишком долго...

Речка, протекающая по Курячему лесу, превращалась в ручеек. Хрустела галька под сапогами. Он нагнулся, сполоснул лицо и, выпрямившись, застыл, наострив уши. Пятый час пополудни, дневные краски уже тускнели. Вторая половина сентября 1943 года радовала погодой, лето отступало как-то вяло, листва в общей массе еще не опала, но прорехи в шапках зелени уже намечались. Полевая офицерская гимнастерка промокла от пота. Он преодолел очередные тальниковые дебри, поднялся на косогор, присел у разлапистой осины. Автомат Судаева с рожковым магазином висел за спиной, почти не мешал. Запасными не озаботился – не хотелось обременяться лишней тяжестью. Рука машинально потянулась к кобуре – «ТТ» на месте, две запасные обоймы в кармане.

Дальше капитан двигался бесшумно, перешагивая сухие ветки. «Плясал» от дерева к дереву, косясь по сторонам. Лес расступился, он пристроился под кустом боярышника и стал наблюдать. На хуторе Ольховый царило запустение. Остатки плетня заросли бурьяном. Сорняки пробивались сквозь трухлявые стены, свешивались с продавленной крыши. В старые времена здесь находились два домовладения, банька, несколько подсобных сараюшек, включая курятник. Из строений уцелело лишь одно, но и оно производило горестное впечатление. Оконные рамы висели на ржавых гвоздях – их выдрало взрывами гранат. В стенах зияли пулевые отверстия. До лета 41-го здесь кто-то жил, потом подался на восток, прихватив самый нужный скарб. Подразделение Красной Армии, пробиваясь из окружения, встало здесь на постой. По их следу пришли немцы и устроили кровавую бойню, забрасывали хутор гранатами, крошили заспанных красноармейцев из автоматов. Тела сожгли в овраге. Поэтому во время оккупации хутор не использовался, слишком уж недобрая аура над ним висела.

Алексей перебежал поближе, залег под плетнем. Он был на верном пути, с этим хутором что-то неладно – чутье редко его подводило. Но, скорее всего, уже опоздал...

Уцелевшая хата не подавала признаков жизни. Фасадная часть обросла крапивой, на траве валялась сломанная лестница, телега без колес со сгнившим сеном. Со стрехи, словно глыба льда, свисала прелая солома. Левее чернела сгоревшая хата. Уцелел лишь скорбный дымоход – излюбленный «насест» для здешних ворон. Черная птица оседлала закопченную трубу и перебирала лапками. Под дымоходом развалилась кирпичная горка, увенчанная лопухами, – все, что осталось от русской печи. Алексей поводил носом. Может, мерещится? Или запах гари никогда не выветривается?

В штаб гвардейской дивизии, расположенный в селе Ложок, сигнал пришел полтора часа назад. Комвзвода радионаблюдения Савушкин с горящими глазами взлетел на второй этаж сельского клуба, приютивший дивизионный отдел контрразведки, и вломился к подполковнику Крахалеву, забыв постучать. «Товарищ подполковник, это снова та рация! – Он глотал половину слов от волнения. – Клянусь, тот самый почерк, он мне уже ночами снится! Пеленгаторы засекли сигнал к северу от Грязино, точнее сказать не могу, но где-то в Курячем лесу! Километра два-три от деревни...»

Через минуту капитан контрразведки «Смерш» Алексей Макаров уже водил карандашом по карте, а подполковник Крахалев в нетерпении подпрыгивал у него за спиной. Это мог быть

хутор, мог быть просто лес... Радиста «пасли» уже третий месяц. Он периодически выходил на связь – то под Ложком, то южнее Грязино, то в болотистой местности недалеко от Осиновки. Имелось подозрение, что это кто-то из своих, чье отсутствие в расположении не вызовет вопросов, – снабженец, офицер инженерной или саперной части, связист. Немцам на данном участке ненавязчиво скармливалась «деза»: прорыв явно заскучавшего фронта планируется в районе Ревзино – в тридцати километрах юго-западнее Ложка. Там наблюдалось вялое перемещение частей, боевой техники. На самом же деле удар планировался в районе Калачана – десятью верстами севернее Ревзино. Но об этом знали лишь несколько человек. Хотелось верить, что дезинформацию уже проглотили и теперь от таинственного радиста больше вреда, чем пользы. «Надо брать, товарищ капитан, – недвусмысленно намекнул Крахалев. – Бегом туда, еще успеете!» Но закон пакости работал, как никакой другой! Вся оперативная группа – старший лейтенант Шевченко, лейтенанты Одинцов, Мазинич – с утра убыла в распоряжение штаба ударной армии, повезли «особо ценного» немецкого полковника, владевшего оперативной обстановкой по другую сторону передовой. Алексей был против: «Смерш» – не конвой! Но пришлось смириться. Да и кто же знал, что опять вылезет этот проклятый радист! В оперативном отделе – шаром покати! «Хоть красноармейцев с собой возьми!» – ругался в спину Крахалев, когда он кубарем скатывался по лестнице. К черту красноармейцев, от них только шум и бардак.

Он несся на хваленном союзном «виллисе» по проселочным дорогам, пытаясь выдумать хоть какой-то план. Лес большой, а командир отсутствующей опергруппы – такой, черт возьми, маленький! Алексей пролетел через Грязино, достойно оправдывающее свое название. Из населения деревушки остались лишь несколько старух, они испуганно смотрели из окон развалюх. Почему-то он сразу решил осмотреть хутор Ольховый...

На хуторке было тихо. Неугомонные пташки пищали в лесу, ветер теребил листву, ломал сухие ветки. Голова капитана усердно трудилась. Радист не будет сидеть и ждать, пока его приборут, знает, что служба пеленгации работает круглосуточно. Но рация – это тяжесть, в карман не положишь. Установка, настройка, потом сворачивать работу. Должен понимать, что органы мгновенно не отреагируют. И на чем он, собственно говоря, сюда прибыл?

Алексей отполз назад, припустил, пригнувшись, в обход хутора. С севера в заброшенное хозяйство упиралась еще одна дорога, ею лет сто не пользовались, но для внедорожника это разве помеха? Он пролез через низину, одолел канавку, замаскированную молочаем, – и мысленно поздравил себя с успехом! В колдобистой колее стоял подержанный «ГАЗ-64», приписанный, судя по номеру, к частям обеспечения ударной армии! Алексей попятился за дерево. У машины никого не было. Он приблизился на цыпочках, обнажив ствол, заглянул внутрь. Никаких «улик», обычная армейская машина. Используется командирами среднего звена, связистами, разведчиками. Можно использовать в качестве тягача для орудия 45-го калибра. На заднем сиденье лежал ящик с инструментами, мотки проводов, свернутый брезент...

Он мог отступить за дерево и спокойно дожидаться водителя, но мысль эта была какая-то неудачная. Не придется ли ждать до весны? Где гарантия, что субъект намерен вернуться к машине? До линии фронта через болота – километра четыре. А если уже сделал свое черное дело?

Следы на сухой земле отпечатались плохо, и все же парочку он выявил. Человек в армейских сапогах 43-го размера шел к хутору. Алексей прокрался через кустарник, перебежал дорогу, пролез под плетнем и стал смещаться вдоль разбитой стены. Палец поглаживал спусковой крючок. Высунулся за угол, выждал пару минут и, проскользнув к крыльцу, затаился за ржавой бочкой. Из дома – ни звука. Не было там никого, если через крышу, конечно, не забрался! На крыльце лохматилась грязь, вездесущие колосья мятлика пробивались через половицы. Последние месяцы тут точно никто не ходил. Аналогичная картина под окнами. Раскрошенное дерево, трава, которую никто не примял. Но кто-то тут отметился. Зачем? Относительно внятный ответ он обнаружил, зайдя за обгоревшее строение. Там имелось что-то вроде

небольшого подземного овощехранилища. На засохшем навозе четко отпечатались следы – те же сапоги, один человек. Следы вели к хранилищу, спуск в который зарос лопухами. Он осторожно подошел ближе и обнаружил еще одну порцию следов. Они начинались у хранилища и уходили направо, к лесу. Здесь человек делал короткие шаги, возможно, тащил что-то...

Алексей спустился вниз, включил фонарь. Поиски не затянулись. Практически весь подвал был засыпан – мешанина досок, бревен, земли. Здесь что-то хранили, часть месива была разрыта, а под ногами валялся скомканный кусок брезента. Сомнений в том, ЧТО ИМЕННО здесь держали, не оставалось, брезентовая ткань еще хранила характерные перегибы. Он опустился на корточки, на четвереньках прополз во двор, затем проскользнул по завалившемуся плетню и выбрался на поляну. За кустами почва была мягкой и рыхлой, следы неплохо сохранились. Сердце екнуло – их оставили совсем недавно! «И зачем отказался от услуг приписанного к «Смершу» подразделения? – мелькнула тоскливая мысль. – Сейчас бы оцепить клочок леса – да вперед облавой...»

Он двинулся по следам, наострив все чувства. Вражеский агент давно все сделал и удалился... но вдруг обстоятельства заставили задержаться? И вообще, интуиция подсказывала, что далеко свою ношу агент не потащит. Алексей не ошибся. Впереди замаячил овраг с крутыми склонами, на которых топорщилась трава. Он зашел с фланга, подполз к обрыву. Картинка как на ладони – временное прибежище таинственного радиста. Плоский камень на дне оврага, на камне громоздкая рация, а под камнем все истерто не только подошвами, но и коленями. На зрение Алексей не жаловался – там же валялись три окурка – значит, радист тут сидел не меньше двадцати минут. Возможно, ждал ответного сообщения...

Нервы звенели, но капитан терпел. Взгляд его скользил по дну оврага, по дальнему склону. Он обнаружил то, что хотел! Небольшой обвал на противоположной стороне – горка глины у подножия. Значит, радист вылез из лога и отправился дальше на запад. А линия фронта по-прежнему в четырех километрах! Алексей осторожно, чтобы не обвалить глину, спустился, сел на корточки, стал слушать. Как-то неприятно оказаться в западне – недостойно бывшего командира разведзвезда, а ныне – оперативника военной контрразведки. Затем подобрался к рации, осмотрел ее. Агенту стоило посочувствовать, могли бы выдать что-то компактнее. Советская коротковолновая радиостанция РБМ, ее производил новосибирский завод «Электросигнал», эвакуированный из Воронежа. Универсальное устройство, при наличии проводной связи можно использовать как телефон. Действует на несколько десятков километров. Вес приемопередающего «ящика» – 13 килограммов, сопутствующая упаковка с питанием – еще 15. Далеко не унесешь. Питание обеспечивают сухие батареи БАС-60 и аккумулятор 2 НКН-22, срок работы отнюдь не долговечен. Полный комплект такой штуковины переносят два красноармейца, и тем непросто. Но, в принципе, вещь надежная, американцы в 42-м даже просили лицензию на производство.

По-видимому, агент использовал рацию в последний раз. Батарейный отсек был распакован, элементы питания разбросаны. На лицевой панели красовалась вмятина от удара прикладом. Алексей на минуту закрыл глаза. Если враг был один, то ему действительно можно посочувствовать, возил устройство в машине, пряча под хламом, в удобной местности выходил на связь, а закончив сеанс, сразу сваливал. Но, видимо, стало опасно. После предыдущего сеанса привез РБМ на хутор, спрятал в подвале. Сегодня прибыл порожняком, машину бросил в лесу, радиостанцию потащил за пределы хутора, не чувствовал себя в безопасности, нервничал...

Толку от РБМ уже не было. Да и от капитана «Смерша» толк был сомнительный! Скрипя зубами, он полез на склон и принялся снова искать следы. Наконец нашел – они вели через папоротник и уходили в канаву. Этой канавой агент и воспользовался. Алексей подмечал все мелочи. Окурки «Беломора», брошенные под ноги, – спешил, выкурил только половину... Корень под ногами тянулся, как растяжка. Он опустился на колени и обнаружил с чувством глубокой радости, что попал в точку! Споткнулся, болезненный, – и со всего, мать его, разгона!

Стенка канавы у натянутого корня была обильно орошена кровью, а края ее обвалены с двух сторон. Видимо, быстро шел, нога попала в западню, а инерция тащила вперед. Открытый перелом голени, обильное кровотечение. Можно представить, как его тут корежило... Катался от боли, теряя кровь, возможно, пытался вставить кость обратно. Но для этого нужен пониженный болевой порог и хоть какое-то представление о медицине. Оружие у него имелось, но аптечки не было, не рассчитывал «приболеть». Судя по следам, радист продолжал движение, прыгал на одной ноге, хватаясь руками за края канавы, а когда последняя сгладилась, как-то вылез из нее и пополз, опираясь на локоть и здоровую ногу.

Загнанный зверь опаснее здорового – нельзя забывать. И все же Алексей прозевал яму с буреломом – природа так «удачно» ее замаскировала! Затрещало на весь лес, он чертыхнулся, кинулся за соседний выворотень. Следы волочения неплохо сохранились – сам себя волочил! Впереди был овраг, перед ним – горка преждевременно осыпавшегося кустарника. Он побежал к нему, пригнув голову...

Очередь стегнула словно хлыстом! Соперничать с пулей – заведомо глупо, но иногда приходится. Охнув, Алексей слетел с маршрута, закопался в гуще папоротника. Стреляли из «ППШ». Он полз, орудуя всеми конечностями, ткнулся в ствол поваленного бурей дерева. Нормальное укрытие, если сплющиться, как камбала... Затем привстал на миг, чтобы оценить ситуацию, и рухнул обратно – пули веером разлетелись над головой. У стрелка имелась позиция, видимо, понял, чем дело пахнет, когда услышал шум погони. Прыгать в овраг с раненой ногой было глупо, он забрался в первую попавшуюся канаву и имел все шансы подстрелить капитана контрразведки, не обладай тот отменной реакцией. Алексей распластался за деревом, стащил со спины автомат, приподнял его, расположив магазин параллельно земле, и прошелся «пробной» очередью. Ответ не замедлил, пули ударили в спасительный паданец, раскрошили сухую кору. Алексей покатился вдоль дерева – благо длина у того была приличной. Противник уловил движение, снова начал стрелять. По счастью, магазин в автомате был неполный – следующая очередь оборвалась, едва начавшись. Послышались щелчки, сдавленная русская матерщина. «Наш», стало быть, – взял на заметку Макаров и напряг слух. Человек за кустарником глухо застонал – видно, неловко повернулся – и передернул затвор. «ТТ» – командирский самозарядный Тульский Токарева. Значит, с гранатами и запасными дисками туго. Тихо стало, только сиплое дыхание, в котором теснились боль вперемешку с отчаянием...

– Ты наших будешь? – выждав паузу, спросил Алексей. – Ну, не скромничай. Я знаю тебя? Сознавайся, уже можно. Третьего не будет – либо ты меня, либо я тебя. Скорее, последнее. С тобой, сволочь, говорит командир оперативной группы дивизионной контрразведки капитан Алексей Макаров. Группа чуть западнее пошла, скоро будет. Если хочешь, давай потрещим по душам. Ты как?

Он приподнялся, и фашистский агент снова дважды выстрелил. Одна пуля пролетела в угрожающей близости от уха, он чувствовал ее смертельное дыхание. Четыре патрона осталось у предателя. Перезарядить не успеет – капитан бегать умеет...

– Хочешь гранату? – спросил он. – Будет тебе граната, на кусочки порвет и по веткам разбросает. Но ты же ценная птица? Живым бы взять, чтобы поделился с нами информацией. Давай сделку? Я беру тебя живым, и какое-то время тебя не расстреляют, будешь немцам донесения бросать по нашим подсказкам. А проявишь себя с положительной стороны, принесешь пользу Советскому государству, то и вовсе получишь тюремный срок с перспективой когда-нибудь выйти... Ну, ты как?

– Да пошел ты... – процедил агент. – Сволочь ты паскудная...

Голос был отчасти знакомым, но пока, к сожалению, никак не идентифицировался.

– Ну, конечно, – рассмеялся Алексей. – Я тебе прямо всю жизнь сломал. Кабы не я, ты бы до своих добрался, накормили бы, напоили, спать с немками положили, да? Ох, уж эти немки... – Он прижался к земле, когда прогремел одиночный выстрел, и сделал мысленную

зарубку – три патрона у паршивца. – Хотя, знаешь, нет, не пойдет, не получится перевербовка, выйдешь ты из доверия своих дружков из секретной разведслужбы абвера.

– Это почему? – переварив услышанное, проворчал агент.

– Объясняю. Мы из кожи лезли, чтобы пустить достоверный слухок о грядущем прорыве у Ревзино. Какие-то части туда-сюда двигали. Отправил окончательную и бесповоротную дезинформацию? Не будет под Ревзино удара – пыль мы вашим в глаза пускали, понимаешь? А вы сожрали «дезу». Но ты все равно выходи, бросай оружие, умирать ведь не хочешь?

Агент подавленно молчал. Впрочем, на движения противника реагировал молниеносно. Алексей рискнул, было, привстать – и вновь «пятнашки» со смертью! Агент стрелял ожесточенно, выпустил две пули. Одна снесла пилотку с буйной головы капитана, другая чуть не чиркнула по плечу. Да что за жизнь такая? Гадалка в Великих Луках нагадала, что жить он будет долго и отчасти счастливо. Попробовала бы не нагадать, когда этой мошеннице, обчищающей обездоленных беженцев, ствол к затылку приставили! Сомневался в этом капитан Макаров, ох, как сомневался...

Но шансы выжить росли, как на дрожжах. Один патрон у врага, есть о чем подумать. И тот, похоже, задумался, снова начал стонать, ворочаться.

– Извини, что сижу у тебя в печенках, – подал голос Алексей. – Но, может, хватит уже ерундой маяться? Выбрасывай пистолет, поднимайся как-нибудь, к машине пойдем.

Выстрел прогремел без видимой причины, он даже вздрогнул. Выстрел без причины... признак дурачины? Он помедлил, приподнял голову. Стреляли точно из «ТТ».

– Ау! – на всякий случай позвал Алексей. – Ты здесь?

Агент помалкивал. Возможно, у него имелись для этого убедительные причины. Алексей стиснул зубы: дождался, капитан! Он откатился, медленно поднялся, держа палец на спусковом крючке «ППС». Со стороны противника не отмечалось никаких телодвижений. Он подошел, готовый отреагировать в любую секунду, плавно перекачивался с пятки на носок, весь на взводе, напряженный. Кустарник был редкий, но он предпочел обойти его и остановился на краю ямки. Агент был в форме старшего лейтенанта Красной Армии, лежал, откинув голову и неловко подвернув ногу. Штанина взмокла от крови, выпирала сломанная кость. Последнюю пулю он пустил себе в висок, отчего правая сторона головы превратилась в кашу. Агент скалился, хотя лично капитан Макаров в происходящем не видел ничего смешного. Он знал этого парня. Старший лейтенант Дмитрий Орехов, командир взвода связи, приписанного к штабу гвардейской дивизии. Алексей поморщился – что, товарищ старший лейтенант, тянем связь в отдаленные отсталые районы? Их помещение располагалось по соседству, через коридор. Там постоянно царил суета, их «газики» шныряли по району, как муравьи по муравейнику. Интеллигентный, исполнительный, приветливый. Здоровались за руку, курили на крыльце, если время позволяло. Однажды выпили «наркомовского» спирта под занавес дня. Дмитрий разговорился, вспоминал учебу в Куйбышевском институте связи, показывал фотографии мамы, девушки, поклявшейся ждать его с войны. Взял, по нетрезвому делу, с Алексея слово, что как только все закончится – первым делом к нему, в Куйбышев, там отличные пивные забегаловки, а какая там рыбалка на Волге...

«Тьфу ты, гадость...» – сплюнул с досады Алексей. Не сумел вывести на чистую воду агента. Кто такой на самом деле этот «старший лейтенант Орехов»? Явно не немец. Эмигрантский выкормыш? – тоже вряд ли, он идеально ориентируется в советской действительности. Бывший офицер Красной Армии? В плен попал? Сам сдался? А дальше все понятно – разведшкола абвера, заброска в глубокий тыл с хорошими документами и «легендой», а уж из тыла в рядах Красной Армии материализовался на фронте. Врал с три короба, что окончил ускоренные офицерские курсы, провоевал два месяца, потом опять учеба, но экзамен провалил, капитана не дали...

И сколько же еще в прифронтовой полосе бегают подобных «Ореховых»? Вредят, дезинформируют, вынохивают, всячески пакостят, если выдается возможность...

Именно для борьбы с такими «залетными» в апреле 43-го на базе Управления особых отделов НКВД создали Главное управление контрразведки «Смерш» и передали его в ведение комиссариата обороны. Все особисты автоматически перекочевали в контрразведку. Но требовались люди, реально способные работать в трудных условиях, – не для «галочки», не закрывать какие-то сфабрикованные дела, не расправляться с пленными и гражданами, находившимися в оккупации (подавляющее большинство которых оставалось вполне лояльным Советской власти), а выявлять настоящих вражеских агентов, бороться с диверсантами, с фашистским подпольем, активно противодействовать хитрецам из абвера... Капитан Макаров в Особом отделе не служил и, честно говоря, недолюбливал тамошнюю публику. «Недовыпускник» Красноярского технологического института, офицерские курсы, полковая разведка, где зарекомендовал себя с лучшей стороны. Предложили перейти в «Смерш», с попутным ростом в звании: задумался – почему бы нет? Реальная работа, реальная польза стране...

Он закурил, опустил на колени, обшарил мертвое тело. Ясное дело, что «Орехов», отстучав последнюю радиogramму, засобирился обратно к немцам. Бросил машину, бросил рацию, сделал все, что должен был. Ничего интересного при нем не оказалось. Вещевая книжка, офицерская книжка – разумеется, подлинные, какая-то рублевая мелочь, мятое курево, уже знакомые фотографии (явно взял у кого-то из убитых офицеров). В планшете карта местности крупного масштаба – тоже ничего удивительного. Алексей развернул ее, стал выискивать особые пометки. Обыкновенная топографическая карта, такие есть у всех офицеров связи. Район предстоящих боевых действий, в котором неприлично затянулось затишье. Враждующие стороны группируют силы, зарываются в землю, возводят укрепрайоны. Юго-запад Калининской области, на западе – Латвийская ССР, на юге – Белорусская. Великие Луки отбили у немцев в январе 43-го, и до сих пор советские войска фактически топчутся на месте. Не за горами наступление на Невель, который фашисты лихорадочно превращают в неприступную крепость. Позиционные бои, незначительные прорывы в ходе разведки боем. Карта изображала участок фронта с севера на юг шириной 35 километров. Лесисто-болотистая местность, холмы, отвратительные дороги. Справа – части 3-й и 4-й ударных армий, 78-я танковая бригада, на 80 процентов укомплектованная танками «Т-34». На немецкой стороне – пять дивизий вермахта 16-й и 3-й танковой армий. Части усиления «СС», несколько эскадрилий 1-го воздушного флота. Наступать фашистам нечем, дивизии потрепанные. Да и советские войска не спешат, группируют силы то на одном участке, то на другом. На немецкой стороне в 12 километрах от линии фронта – замшелый городок Калачан, окруженный болотами и озерами. На юге – Ревзино, город покрупнее, узел железных дорог, который советским частям давно пора забрать...

Никаких особых пометок он не нашел. Забрал у «Орехова» документы, фотографии, упомянутую карту, хоть будет, что Крахалеву показать. Труп агента он забросал осиновыми ветками, нагреб ногой листву, присыпал сверху, чтобы не просвечивал. Лесная живность все равно найдет, ну, да черт с ней. Не тащить же на себе. Пичуги, напуганные стрельбой, снова начинали тренькать. Не за горами сумерки. Он убрал трофеи в планшет и начал выбираться из леса. Отдуваясь, добрал до оврага, постоял пару минут у раскуроченной рации и полез на обрыв.

Обратная дорога короче не показалась. Устал он как собака. Отдуваясь, выбрался из кустарника, пошатался по хутору. Вспомнил, что до машины еще киселя хлебать, закинул автомат за спину, потащился в дебри тальника...

Глава вторая

Колдобистая дорога тянулась на юг. Алексей пролетел через Грязино, провожаемый взглядами выживших (и из ума тоже) старух. Дорога уходила в поля, забирала на восток. До Ложка, где находился штаб, 14 километров. Даже по рытвинам и буеракам – сорок минут езды. Он успевал до темноты. На западе усилилась канонада, работали дальнобойные гаубицы. Подобное по вечерам входило в норму – советские артиллеристы били по выявленным мишеням, приводя немцев в ярость. Изредка немцы отвечали. Стреляли реже, экономили снаряды. Военные объекты практически не доставали, но могли разнести деревушку вроде Грязино, мостик через речку, фильтровальную станцию. На этот раз канонада сопровождалась работой крупнокалиберных пулеметов. Алексей заслушался и проглядел крутую колдобину! Автомобиль влетел в нее на полном ходу, подмял передний бампер. Что-то затрещало в рессорах, крикнул двигатель. Он чуть не выбил головой стекло, спохватился, резко выжал заднюю передачу. Двигатель ревел, колеса крутились вхолостую. Запах гари окутал машину. Он ругался, как сапожник, – да что за день невезучий! Орудовал рычагом, педалями – бесполезно. Вышел из машины, забрался в яму. Даже с фонарем ни черта не видно, сплющиться нужно. Снова работал переключателем скоростей, пытался вытянуть машину на пониженной передаче. Разве это мощность – 60 лошадиных сил? Сам себя вытащить не может! Впрочем, и советский внедорожник «ГАЗ-64» избытком «лошадей» похвастаться не мог, максимально вытягивал 50. Зато маневренный, проворный и хорошо разгоняется – не то, что это американское барахло, которое по ленд-лизу закупили аж 52 тысячи!

Он нервно слонялся вокруг машины, курил, поглядывал то на часы, то на небо. Двенадцать километров пешком по непонятно какой дороге, он только ночью явится в расположение! Стрельба на линии фронта затихла, лишь иногда постукивал пулемет. Невдалеке была развилка, там сходились прифронтовые дороги ужасного качества. В сторону Грязино прошла колонна, «виллисы» тянули пушки 45-го калибра. Алексей изобразил понятный жест – вытащи! Майор, сидящий рядом с водителем, сделал постное лицо и уставился в небо, как будто капитана «Смерша» тут вовсе нет! Колонна объехала «клюнувшую» машину, потащилась дальше. Алексей плюнул им вслед – занятые, чтоб их, трудно помочь человеку? Потом прогрохотал пятитонный «ЗИС» – и тоже с сопровождающим офицером. Автоматчик в кузове охранял затянутые брезентом ящики. Все трое, включая водителя, таранились на Алексея, как на конченого диверсанта. Какого черта? Была бы особая форма – как миленькие бы останавливались! Но, согласно приказу наркома обороны, всем бывшим особистам, перешедшим в контрразведку, присвоили общеармейские звания (без приставки «государственной безопасности»), а униформу предписали носить ту же, что и в обслуживаемых ими подразделениях. Не махать же у них под носом красными «корочками». Только это и осталось...

Других машин в этот час не было, как отрезало. Он сидел на обочине, курил, уныло смотрел, как по дороге приближается подразделение красноармейцев. Их было человек двенадцать, оборванная пропыленная форма, многие перевязаны, один вообще ковылял на костылях. Судя по форме, какие-то ошметки войск НКВД по охране тыла. Эти люди недавно вышли из боя, тащились вяло, с какими-то равнодушными лицами. Впереди, прихрамывая, вышагивал капитан с серым от усталости лицом. За ним следовал невысокий усатый сержант – на каждом плече висело по «ППШ». Замыкал процессию молодой лейтенант с поджатыми губами. Солдаты ломали строй, но никто на них не покрикивал. Машина, застрявшая посреди дороги, не производила впечатления.

– Что кручинишься, капитан? – подмигнул офицер. – Сломался, что ли?

– Сломался. – Алексей скептически оглядывал доходяг в форме. В принципе, если навалиться на машину всем скопом...

– Думаешь, поможет? – Капитан правильно расценил его взгляд, остановился, почесал макушку, не снимая фуражки. Потом поднял руку: – Взвод, на месте стой!.. Разойдись, привал!

Бойцы медленно опустились на обочину, закурили. Простуженно кашляя, подошел молодой лейтенант, на его гимнастерке чернели брызги крови.

– Парни, помогите, – вздохнул Алексей, – ни одна сволочь не останавливается.

– Давай поможем, – невесело рассмеялся капитан НКВД. – Моим калекам больше всего на свете сейчас требуются физические упражнения. Садись за руль, капитан, вытащим твою американскую развалину.

Впятером навалились на передний бампер – оба офицера, сержант и двое бойцов, не обремененных бинтами. Остальные сидели на обочине, вяло пошучивали. «Раз, два, взяли! Еще раз взяли!» – хрипел усатый сержант. Машина раскачивалась, надрывался двигатель. Еще один рывок, и она выскочила задним ходом из рытвины.

– Ну, ты и угодил, – заметил капитан. – Как проморгал-то, приятель? Ворон ловил?

– Вроде того, – проворчал Алексей. – Спасибо, мужики. Сами-то откуда? Документы имеются?

– Во как! – удивился капитан НКВД. – Мы ему, значит, помогаем всей душой, а он... Ладно, без обид, прифронтная полоса, мать ее... – Он извлек офицерскую книжку, сунул Алексею: – Капитан Маргелов Денис Петрович, отдельная рота НКВД, охраняли склады в Пятницком. Со мной лейтенант Аннушкин, сержант Васюков... и те, кто уцелел от второго взвода...

– Что случилось, капитан?

– Ты тоже документы покажи, – нахмурился Маргелов, – а то сидишь совсем один на прифронтной дороге, помощи клянчишь. Времена-то, сам понимаешь...

– «Смерш», – вздохнул Алексей, показывая «корочки». – Отдел контрразведки гвардейской дивизии. Сiju не просто так, а по служебной необходимости.

– Ох, ни хрена... – Сержант Васюков опомнился, сделал отсутствующее лицо и как-то бочком начал отдаляться.

– Мы тоже не в одуванчиках валяемся, – оскалился Маргелов, – службу тащим, так сказать.

– Минуточку, прошу прощения, товарищ капитан... – У лейтенанта Аннушкина вдруг побелели скулы, он взял документ, начал всматриваться. Поколебался, вернул. Лицо расслабилось, снова сделалось вялым и аморфным.

– Не «липа», лейтенант? – улынулся Алексей.

– Виноват, товарищ капитан, – смутился Аннушкин, – бывали прецеденты. На днях у одного такой же документ конфисковали. А потом в кустах и кончили, когда он гранату пытался из штанов извлечь... Серьезно, товарищ капитан, простите.

– Да все в порядке, – отмахнулся Алексей. – Что случилось, Маргелов?

– Фрицы напали на склады в Пятницком, – мрачно объяснил командир отряда, – то ли заблудились, то ли с диверсией к нам шли... Ну, вы, если в «Смерше» служите, должны знать, что эти якобы арсеналы – форменная «пустышка». Снаружи все серьезно, охрана, вышки, а внутри – шаром покати. Один из элементов оперативной «липы», так сказать. Даром, что ли, их «рамы» над лесами кружат, высматривают, что тут у нас интересного.

«Рамы» – тактические разведывательные самолеты «Фоккевульф-189», похожие на воздушные катамараны, напичканные аппаратурой для аэрофотосъемки, – действительно летали, как над своим домом. Кружили над объектами, действовали на нервы. Когда на перехват поднимались «МиГи», спешили убраться, а если попадали в клещи, огрызались из пулеметов «МГ-17», могли и бомбы сбрасывать – в каждой «раме» имелся боекомплект из четырех штук.

– Фрицы же не знали, – посетовал Маргелов, – шли на полном серьезе взрывать склады. Часовых пошибали с вышек, подорвали забор. Третий взвод моей роты там стоял, и я очень

кстати прибыл с Васюковым. Пришлось оборону налаживать. – Тень легла на усталое лицо майора. – Отогнали, короче, фрицев, положили человек восемь, но и своих потеряли полтора десятка... Они и не поняли, что на фуфло напоролись... На шум прибыл взвод из Луковки, взяли объект под охрану, а нас, что осталось, – в тыл. Доложить комбату, да на отдых с лечением... Это все мое войско, – кивнул он на солдат, оседлавших обочину. – Пятерых зацепило, Шакуров ногу сломал, Яценко – вон тому, что забинтован, как Тутанхамон, – шрапнелью голову посекло, скальп срезало, но сильный мужик, на месте вытащили, вроде идет пока, отщучивается...

– Капитан, не поверю, что вас пешком отправили.

– Вон за тем леском наша полуторка, – снова кивнул Маргелов. – Сходи, проверь, если не веришь. Думаешь, сочиняю тебе на «голубом глазу»? Сломалась, как и твое полноприводное корыто. На всем ходу, колесная ось пополам... Усталость, видать, накопилась в железе, не только в людях она копится... Ну, ладно, капитан, бывай, дальше побредем, – небрежно отдал он честь. – Приятно было познакомиться, все такое. Хлопцы, подъем!

– Так давай довезу твоих тяжелых, – предложил Алексей. – У меня четыре места пропадают... Ну-ка, погодь минутку, капитан, проверим, жив ли еще агрегат.

Он забрался в машину, перевел рычаг трансмиссии. Машина задрожала, заволновалась. Педаль продавилась до пола, машина дернулась... и никуда не поехала. Солдаты, окружившие машину, разочарованно загудели.

– Ну, что и ожидалось, – махнул рукой лейтенант Аннушкин. – Дерьмо, а не техника.

Вторая и третья попытки тоже провалились.

– Прерыватель-распределитель зажигания сдох, – задумчиво покрутив ус, вынес вердикт сержант Васюков. – Даже не сомневайтесь, товарищ капитан, я эту буржуинскую технику наизусть знаю. Не проходит искра зажигания. На завод силенок достает, а для начала движения не хватает.

– Можешь починить, сержант?

– Давайте новый трамблер – почию, – пожал плечами Васюков. – Только хрен вы его, товарищ капитан, даже на матскладе найдете.

– И что же делать?

– Сочувствую, капитан, – вздохнул Маргелов. – Ладно, долбись со своим авто, а нам идти надо. Может, кто сжалится, возьмет тебя на буксир.

Побитое подразделение потащило дальше. Начинало темнеть. Ни одной машины на богом проклятой дороге! Алексей снова дергал рычаги, проклинал вредителей-американцев и весь хищный оскал империализма в их лице. Шикарно выполняет задание командования! К стенке таких оперативных работников! В итоге он поставил рычаг в нейтральное положение, скатил машину в кювет, чтобы кто-нибудь сослепу не долбанулся, выключил двигатель, сунул в карман ключ зажигания. Он нагнал уходящую группу минут через пятнадцать, когда она втягивалась в лес. Бойцы спотыкались, вязли в колдобинах, вполголоса выражались. Работали несколько фонарей. Услышав топот за спиной, они обернулись, стряхнули оружие.

– Это капитан Макаров из «виллиса»? – выкрикнул Алексей. – Не стреляйте, товарищи!..

– Что, капитан, не вынесла душа поэта? – послышался насмешливый голос Маргелова, и брызжащий свет облизал его с ног до головы. – Страшновато ночью одному?

– Я с вами, – отдуваясь, сказал Алексей. – Примите в компанию, Денис Петрович?

– Присоединяйтесь, нам-то что? – пожал плечами капитан НКВД. – Допрашивать не будете? Расстрелом страшать не собираетесь?

– Можно подумать, ваше ведомство – такие ангелы, – огрызнулся Макаров.

– Мы всего лишь солдаты, выполняем приказы. Стоим в оцеплении, когда прикажут, ловим диверсантов и предателей Родины, прикрываем тыл наступающих частей в качестве заградительных отрядов. Ладно, не будем собачиться на ночь глядя. Сам-то откуда, капитан?

– Из Красноярска, – ответил Алексей. – Вернее, не совсем, учился там. Родом из Минусинска – есть такой мелкий городишко в Красноярском крае.

– Ничего себе! – присвистнул Маргелов. – Далек же тебя занесло, капитан.

– Ничего особенного, – проворчал бредущий сзади боец. – Я из Хабаровска, это еще дальше. Заячья Губа на Амуре, может, слышали? Поселок Листвянский, у нас еще завод построили по производству авиационных комплектующих.

– Ну, и какого хрена, Дробыч, ты выдаешь военную тайну? – ехидно заметил лейтенант Аннушкин. – Завод у них, видите ли, построили...

– Так я-то что? – испугался Дробыч. – У нас про этот завод знает весь поселок до последней собаки...

«И все окрестные шпионы», – подумал Алексей.

– Возьмите на заметку, товарищ капитан, – шутиливо посоветовал сержант Васюков. – Болтун – находка для шпиона.

Алексей обогнал растянувшуюся колонну. Дорога втягивалась в темный осинник и превращалась в едва очерченную загогулину. Передвигаться можно было только с фонарем. Солдаты спотыкались, глухо матерились. «Одному нужно было уходить, – думал Алексей, дожидаясь отстающих. – За три часа добрался бы до штаба. А с этими калеками и к утру не доберешься...»

– Связался ты с нами, капитан, – догнал его Маргелов, – теперь и сам, поди, не рад. Эй, не растягиваться! Шире шаг, товарищи бойцы! Иначе придется потом объяснять ответственным лицам, где нас носило, – добавил он тише. – А некоторым ведь и не докажешь, везде врагов видят – даже там, где их нет...

– Снова камень в мой огород, капитан? – проворчал Алексей. – Не волнуйся, уж объясню ответственным лицам, где вас носило... Был нелегкий опыт, капитан?

– В сорок втором было дело, – неохотно подтвердил Маргелов. – Старшим лейтенантом был, командовал заградительной ротой на Волховском фронте. Вторая ударная армия в болотах погибала, а ее командующий генерал Власов уже к немцам переметнулся. Получили приказ наступать под Антоновкой – прорвать участок фронта шириной четыре километра, чтобы нашим сделать коридор для отхода. Непродуманный приказ, и отдал его человек, плохо знакомый с ситуацией. Куда там наступать? Мы и отступить-то толком не могли, катились на восток, в болотах тонули. Собрали два потрепанных полка, ударили по отборным немецким частям. Те, конечно, удивились, на пару часов подвинулись – наши и вклинились на пару верст. Потом фрицы надавили с флангов – захлопнули капкан. Всю ночь шел бой, от полков по роте осталось. Наступать – нереально.

– То есть по своим из пулеметов вы уже не стреляли? – уточнил Алексей.

– Не стреляли, – согласился Маргелов. – Наша заградительная рота свой бой приняла. Отсекли нас от штурмовой группы, обложили со всех сторон. Танковая рота и до батальона пехоты – всё нам досталось. Бились, как проклятые, дважды за ночь в контратаку переходили, три танка подбили из шести возможных. Во взводах по шесть-семь бойцов осталось. Утром немцы отошли – тоже выдохлись. Нам тропинку оставили – в болота. Уходить пришлось. Могли бы еще повоевать, но боеприпасы кончились, а с саперными лопатками шибко не навоюешь. Три дня по болоту шли. Еще семерых потеряли. А только вышли – свои же и повязали. «Смерш» еще не придумали – особисты орудовали. Всех за колючку, и давай на допросы гонять. Картину боя восстанавливали. Почему не приняли мер для успешного наступления, почему не остановили бегущих бойцов, почему позволили немцам загнать вас в котел? Словно мы тут чертовы полководцы и способны переломить ситуацию на фронте. Несколько ночей пытали, ловили на нестыковках, инкриминировали измену и сотрудничество с немцами... Тогда я и понял, капитан, что этим людям плевать, кто на самом деле виновен, а кто нет. У них план по выявлению предателей, они работают, из кожи лезут... лишь бы привлечь кого-нибудь

и к стенке поставить. Вздорные обвинения – ничего более вздорного я в жизни не слышал. Уши вянут, отчаяние берет – и ведь ничего не можешь доказать...

– Но ты же не расстрелян, капитан, – подметил Алексей. О том, что вытворили особисты в сорок первом и сорок втором, он знал не понаслышке. Бесконечные допросы, подтасовка улик, фабрикация дел, а когда пришлось столкнуться с реальным врагом, многие спасовали, просто не знали, как работать. По привычке искали там, где «светлее». И от таких «работяг» приходилось избавляться в первую очередь...

– Так воевать оказалось некому, – хмыкнул Маргелов, – а может, адекватная голова нашлась. Признались сквозь зубы, что не нашли состава преступления в наших деяниях. Всех, кто выжил, из-за колючки в часть отправили, в бане помыли, новое обмундирование выдали. Ничего, воюем за Родину...

Разговаривать не хотелось, да и Маргелов потерял желание, пыхтел, волоча ноги. Они вязли, как в киселе, в этом чертовом лесу! Лейтенант Аннушкин покрикивал на раненых – не спать на ходу, граждане военные! Скоро придем! Это «скоро» как будто отодвигалось, превращалось в несбыточную химеру. За час пути они не встретили ни одной живой души.

– Товарищ капитан, мы глупостями занимаемся, – тяжело задышал в затылок запыхавшийся Аннушкин. – Не видно ни хрена, не идем, а на месте топчемся. Людям отдых нужен, раненым – перевязка... Где мы находимся – Хвалынский лес? Где Баратынка?

– Баратынка тут везде, – усмехнулся Алексей, – петляет, как змея, по району, дважды через Калачан протекает, Ревзино цепляет... До моста через Баратынку – километра четыре.

– Телячью балку проходим, – подал голос сержант Васюков. – Гадом буду, это она, товарищи офицеры. Здесь у товарища Станового резервная база находилась – в ста метрах от лесной дороги. Оборудовал лагерь для личного состава на случай отхода из Хвалыни, узел связи и запасной командный пункт. Грамотно расположил – вроде и дорога рядом, но никакая техника не пролезет, достаточно пары мин, чтобы заблокировать любой карательный отряд...

– Вы про майора Станового, сержант? – спросил Алексей.

– Он самый, – охотно отозвался Васюков. – Из окружения выходил летом сорок первого, да завяз в здешних болотах с остатками своего батальона. Штыков сорок у него осталось. Затаился, немцы мимо прошли. Добыл у фрицев рацию, связался с нашими – получил «добро» возглавить местное партизанское движение. Потянулся к нему народ – окруженцы, местные штатские... Хорошо он тут за два года покуролесил, натерпелись от него фашисты. Дважды немцы его окружали, разбивали отряд. Люди рассеивались, потом опять сходились. Неуловимым считался товарищ Становой. Несколько тайных баз имел в окрестных лесах. Пару месяцев назад покинул район, ушел со своими партизанами за линию фронта по приказу командования. Помните, товарищ капитан, наша рота принимала у них оставленное хозяйство, прочесывали базовые лагеря на предмет дезертиров и мародеров?

– Я и днем-то местность не узнаю, Васюков, – проворчал Маргелов. – Уверен, что это здесь?

– Так вот же она, Телячья балка, – лощина за опушкой тянется...

– Ладно, дорогой товарищ из контрразведки, – вздохнул Маргелов, – хочешь – иди своей дорогой, хочешь – оставайся с нами. Не выдержать моим доходягам этот ночной переход...

Алексей сдался – ладно. Не расстреляют, в конце концов. За что? С заданием справился, радист нейтрализован.

Маленький отряд ушел с дороги, углубился в лес. Лучики света прыгали по залежам сухого валежника, по старым деревьям с бугристой корой. Овраг оказался глубоким – сначала спускались здоровые, помогали раненым. Карабкались наверх, снова погружались в лес. Чаша расступилась метров через семьдесят. Возникла заброшенная партизанская база. В темноте выделялись дозорные гнезда на деревьях – с них еще свисали веревочные лестницы. Извилистые траншеи на границах лагеря, полужасыпанные землянки, кустарное подобие блиндажа.

Несколько сараюшек, жмущихся к покатоному холму, пятачок для построения личного состава, вымощенный бревенчатым настилом. Под деревьями – примитивные лавочки для курения, рукомойники, открытая печь. Красноармейцы неприкаянно блуждали по базе, кто-то падал в траву.

– Занять две центральные землянки, – скомандовал Маргелов. – Аннушкин, выставить посты, назначить смену. Васюков, проследить, чтобы перевязали раненых. Всем спать, подъем в пять утра.

– А как насчет спирто-водочной смеси, товарищ капитан? – пошутил кто-то. – Будут выдавать на сон грядущий?

– Дюлей вам выдадут на сон грядущий, – отрезал капитан. – Самым остроумным, разумеется...

Солдаты разбрелись по землянкам. Алексей потащился к крайней, ее замшелый накат выделялся неподалеку от подножия холма. С одной стороны завалился полупустой дровяник, с другой – землянку подпирал перекошенный сарай. У входа валялись заросшие грязью доски, ржавые ведра, в одном еще поблескивала вода, покрытая зеленью. Земляные ступени уперлись в скособоченную, срубленную из горбыля дверь. Конструкция рассохлась, не входила в створ. Внутри прибежище героических партизан выглядело еще плачевнее. Труба в потолке – буржуйка под ней фактически развалилась. Стены осыпались, а вот нары, сбитые из досок, стояли, как стальные. От мешковины несло гнильцой, но капитану было плевать. Он свернулся в позе зародыша, пристроил автомат между колен. Холод пока не ощущался, и он спешил уснуть, пока не замерз. В соседних землянках шумели солдаты. Ругался сержант Васюков, очень кстати обнаруживший нехватку медикаментов и перевязочных материалов, стучали ведра, лилась тухлая дождевая вода. Кто-то ворчал: ты еще портки свои дырявые сними – в баню, блин, пришел. «Они не дырявые, они заштопанные», – отшучивался боец. Сон пришел, как всегда, без оповещения...

Кошмарные сны давно превратились в элемент бытия. Черный «ворон» под окном, «каркает» двигатель, три демона в черном поднимаются на крыльцо. Уводят бледного отца – заместителя председателя минусинского райисполкома. Остальных не трогают, но дом перерывают основательно, ищут доказательства связи отца с врагами трудового народа. У матери отнимаются ноги, плачет младшая сестренка Лиза. Происходит невероятное: неделю спустя раздается стук в дверь, и на пороге возникает отец. Простуженный, сломленный, измученный побоями и непрерывными ночными допросами. Связи с троцкистами не выявлены, органы перестарались. В 37-м они действительно перестарались, кампания репрессий, получившая в народе название «ежовщина», обернулась против своих же создателей. Слишком рьяно взялись истреблять население собственной страны. Недолгое счастье в доме. Как просто сделать счастливым советского человека: отбери что-нибудь важное, а потом верни, как было. Но вернуться на рабочее место отец уже не смог, и жизнь покатила под откос. Болели отбитые почки, харкал кровью. Замкнулся в себе, потом переселился в больницу, где и скончался через три месяца...

Черный «ворон», увозящий отца, сменили лучи прожекторов в ночном небе, хлопки зениток. Отблески света вырывают из темноты купол Исакия, затянутый маскировочными сетками. Пронзительный рев пикирующего «мессера», вспыхнувшая крыша пятиэтажки, на которую устремляются женщины с ведрами и баграми. Катается по крыше, крича от боли, загоревшаяся Лиза – младшая сестренка. Перед самой войной переехали в Ленинград – матери предложили работу на оборонном заводе. Да там и остались – в списки на эвакуацию не попали, жили, как могли, вносили свой вклад в общее дело... Он карабкается, задыхаясь, на эту проклятую крышу, где всё в дыму (совпала краткая командировка в героический город), в ужасе падает на колени перед обгорелым тельцем Лизы, которой едва стукнуло семнадцать... Бьется в истерике мать, безжалостный сердечный приступ – и ее, завернутую в старые одеяла, отвозят

на окраину в район деревни Пискаревки, где в огромной братской могиле хоронят ленинградцев... Смеющееся лицо младшего сержанта Риты Пономаревой, вот она бежит к нему через поле, усыпанное ромашками, расстегивает на бегу гимнастерку, русые волосы переливаются на солнце. Он чувствует ее запах, знает, как пахнет каждый кусочек ее тела. Бомба падает рядом с зенитной батареей – орудие всмятку, разлетаются мешки с песком. Гибнет весь расчет – все четыре молодые девушки. Он снова на коленях, гладит каждый кусочек ее тела – слишком много их, этих кусочков, и все еще собрать надо, чтобы похоронить...

Очнулся Алексей на рассвете от какой-то безотчетной паники. Серая хмарь просачивалась сквозь дверную щель. Холод впитался в организм. Он сполз с нар, стуча зубами, вскочил, чтобы резкими упражнениями изгнать стужу и, ударившись головой о низкий потолок, выругался сквозь зубы. Время без нескольких минут пять, пора в путь. Еще не рассвело, но сизая полумгла уже витала. В девять утра нужно быть в расположении, пока не объявили дезертиром.

Лагерь просыпался, неподалеку бубнили люди, позвякивали ведра, оставшиеся в «наследство» от партизан. Затрещали ветки кустарника, кого-то выплюнули – по нужде человек ходил. Споткнулся, сдавленно выругался:

– Oh, Scheisse...

Словно водой из ведра окатили! Алексей застыл, не веря своим ушам. Что это было? Хрустели ветки под ногами, человек удалялся. Потом остановился, стало тихо. Руки онемели, но это не помешало подтянуть к себе автомат, ощутить гладкий перегиб приклада. Он перенес центр тяжести, сделал осторожный шаг к двери, опустил на корточки, чтобы лучше видеть. Вот уж точно дерьмо... В поле зрения возник напряженный профиль лейтенанта Аннушкина. Человек изменился, он был совсем не такой, как вчера. Лицо обострилось, стало мордой хищника, выперли скулы – такое ощущение, будто молодой офицер войск НКВД СССР собрался обернуться в волка. Ноздри раздувались, глаза шныряли. Он прислушивался, стоял, положив руку на кобуру – и, казалось, смотрел прямо в глаза капитану «Смерша»! Рука рефлекторно потянулась к затвору автомата. Нет, не мог его видеть лейтенант Аннушкин, или как там его. Тот поколебался, хотел направиться к землянке, но передумал, плавно развернулся и отправился к своим. Видно, не пришла еще пора раскрывать карты...

Обливаясь потом, Алексей попятился, перевел дыхание. Немцы? Ну, не станет советский офицер ругаться по-немецки. Споткнулся и невольно выдал себя. Аннушкин – точно немец, сотрудник абвера, остальные, скорее всего, нет. Не так уж сложно по речи и манере отличить русских людей. И Маргелов – русский. Больше того – не врал про Волховский фронт, про то, что случилось с его подразделением. Это было давно, год назад, сколько воды утекло, сколько народа переметнулось к немцам – кто по трусости, чтобы выжить, кто из ненависти к коммунистам и неприятя Советской власти...

Мысли худо-бедно выстраивались. Под Калачаном работала школа абвера, ковала кадры для заброски в советский тыл. Будучи офицером контрразведки, Алексей располагал этой информацией, правда, без подробностей. Раньше для немцев это был глубокий тыл, теперь – передний край. Но школу могли и не закрыть. И неизвестно еще, удастся ли Красной Армии прорваться в Калачан. У немцев тоже работает фантазия. Диверсионная группа под видом раненых. Кто докажет, что все не так? Не разматывать же с них окровавленные бинты? Очевидно, сами и разнесли тот склад, переоделись. А машина реально сломалась, другой под боком не оказалось, и на дороге ничего не встретили, кроме «сломавшегося» капитана контрразведки. Решили не размениваться, очевидно, имели задание важнее, чем жизнь какого-то офицера «Смерша». А с ним идти – еще лучше. В случае опасности прикроет, доведет, куда следует, а там можно и в расход... Куда они идут – в Ложок, где расположен штаб дивизии, непростиительно оторванный от основных частей? Готовится крупная диверсия, убийство или похищение высокопоставленных советских военных? Можно не сомневаться, что с документами у

них все в порядке. Секретные подразделения абвера – та еще «кузница советских военных и хозяйственных кадров»...

Время текло, секунды щелкали под темечком. Лагерь уже проснулся, бубнили люди. Кто-то ходил по веткам на опушке. Тянуть нельзя, любое промедление смерти подобно! Алексей решил. Главное, не подавать вида, что все знаешь. Он повесил автомат за спину, открыл дверь, широко зевая и растирая воспаленные глаза. Вскарabкался по осыпавшимся ступеням, потащился к ржавым ведрам, в которых было немного дождевой воды. Угол сарая прикрывал от «плаца» и центральных землянок. Очень кстати оказался завалившийся дровяник и остатки бревенчатого колодца. По лагерю расплзался легкий туман. За углом шумели люди, кто-то посмеивался. Аннушкин пропал. Из кустов, застегивая штаны, вышел долговязый Дробыч, мазнул капитана мыльными глазами. Алексей приветливо помахал ему, нагнулся над ведром, зачерпнул воду. Водичка была страшноватой и пахла соответственно. Он сполоснул лицо, распрямился. В поле зрения оставался только Дробыч. Он выбил из пачки мятую папиросу, долго щелкал зажигалкой и одновременно следил за капитаном – пусть не нагло, боковым зрением, но контролировал. На всякий, как говорится, случай. Алексей стряхнул воду с рук, вытер их о штаны. Снова зевнул и повололся обратно к землянке, кожей на затылке чувствуя взгляд! Спустившись до двери, обернулся, негромко позвал:

– Слышь, служивый, помоги, если не трудно. Тут какой-то оружейный склад под нарами... – И, уже не оборачиваясь, с колотящимся сердцем втиснулся в землянку.

Дробыч озадаченно почесал щетину, посмотрел по сторонам. Только бы не позвал своих! – мысленно взывал к небесам Алексей. Дробыч не стал это делать, видно, не почуял подвоха. Он двинулся к землянке, поправляя ремень автомата, спустился вниз, протиснулся в дверь:

– Что тут у вас, товарищ ка...

Алексей схватил его за горло, втащил внутрь, стиснул шею сильными пальцами, чтобы не закричал, коленом ударил в промежность. Дробыч захрипел, руки обвисли. Алексей продолжал все сильнее сжимать его горло, пока глаза у того не закатились и не подломились ноги. Он осторожно опустил его на пол. Дробыч вздрагивал, пытался продохнуть. Алексей усилил нажим, чтобы окончательно умертвить, и вдруг засомневался. А вдруг ошибся? Вдруг никакие они не диверсанты – бес попутал, слуховая галлюцинация спросонья? Он ослабил удавку, стиснул кулак и хорошенько врезал в челюсть. Дробыч откинул голову и отключился. Макаров наострил уши – пока тихо. Проверять документы у этого доходяги смысла не было – уж «воспитатели» постарались, все у них в порядке, лучше, чем подлинные: научились талантливо рисовать вещевые и расчетные книжки комсостава, командировочные предписания, продовольственные аттестаты, выписки из приказов о переводе в другие части... Он вытащил из под-сумка запасной диск для «ППШ», две гранаты «Ф-1». Неплохое приобретение. Конструкция автомата Судаева позволяла использовать диски от «ППШ». Лихорадочно рассовал боеприпасы по карманам, на корточках подкрался к двери, выскользнул наружу, быстро перекатился к дровянику и энергично пополз в жухлую траву. Теперь от посторонних глаз закрывал колодец. Нетерпение гнало – хотелось встать, пробежать последние метры. Но он заставлял себя ползти, не замечать, как впиваются в кожу корневые отростки, как последние в этом сезоне комары выедают лоснящийся от пота лоб...

Оказавшись на опушке, Алексей поздравил себя с маленькой победой. Теперь ничто не мешало отползти за деревья и припустить прочь. Сто метров до оврага, а там лесная дорога... Но вместо этого он лежал за кочкой, всматривался. Уже рассвело, рассасывалась туманная мгла. За спиной пролегла траншея, ее он мог преодолеть без сложностей. Партизанская база предстала, как на ладони. Диверсанты отлично ориентировались на местности, владели информацией, раз были в курсе об этом лагере майора Станового. Неясные фигуры возились в рассветном мареве. Солдаты строились на «плацу». Белели повязки «раненых». Доносились

приглушенные русские матерки. Алексей стиснул зубы. Он все понимал – сам критически относился к системе и ее отношению к гражданам. Считал, что ничем нельзя оправдать массовые репрессии – никакой безопасностью единственного в мире социалистического государства. Можно быть обиженным, можно не любить (так обижайся себе где-нибудь в сторонке!), но чтобы переметнуться к фашистам, уничтожить свой же народ... Это было выше его понимания. Подобные люди заслуживали только одного, и даже пули на них было жалко...

Он насчитал двенадцать фигур в рассветной дымке. Перед строем прохаживался Маргелов, сунув большие пальцы рук за ремень. В стороне переминался лейтенант Аннушкин, поглядывал на часы.

– Где этот хренов Дробыч? – донесся его недовольный голос (видимо, по факту он явно был главнее Маргелова). – Васюков, найди его! И буди контрразведчика, хватит уже спать!

Спасибо, разбудили... Нервная смешинка выпорхнула из горла. Сержант Васюков засеменил в направлении колодца, выбежал на окраину базового лагеря, недоуменно повертел головой, позвал отсутствующего бойца и, немного поколебавшись, направился к землянке, в которой ночевал капитан Макаров. Маргелов что-то внушал своим подчиненным, приказывал заправиться, принять подобающий вид.

Алексей ловил в прицел лейтенанта Аннушкина, но тот сместился вбок, зашел за строй. Тогда он, мысленно ругнувшись, отыскал в прицеле спину Маргелова. Тем временем сержант Васюков вылетел из землянки, как пробка из бутылки! Споткнулся о последнюю ступень, тревожно заверещал, потеряв пилотку:

– Тревога, господин гауптман! С Дробычем разделались, большевик утек!

Дальше некуда было тянуть. Алексей стрелял, как на полигоне по ростовым мишеням! «ППС» плевался свинцом, больно отдавался в плечо. Магазин, дай бог памяти, был заполнен на две трети – для начала хватит. Маргелов вздрогнул – словно оса в спину ужалила, – рухнул на колени, неловко завалился боком. Остальные с криками разбежались и залегли. Конечности в бинтах, измазанные чем-то красным, нисколько не сбавляли прыти, понятно, что муляжи. Кто-то, лежа в траве, уже срывал с себя повязку. Алексей стрелял короткими очередями. Три неподвижных тела остались на бревенчатом накате. Еще один, задумав перебежать, поймал пулю в бок, и из раны обильно потекла кровь. Катился к дальней канаве лейтенант Аннушкин, ругался по-немецки. Сержант Васюков при первых выстрелах рыбкай отправился за колодец, там и сидел, дожидаясь конца вакханалии. Потом вскочил, помчался зигзагами к своим, ловко увертываясь от пуль. Вот что значит – уметь быстро бегать! Их осталось человек восемь. Аннушкин надрывался: четверо направо, остальные налево! Уничтожить большевика! Позицию Алексея давно засекли, он ее и не менял. Пришлось вжаться в землю, пули выли, едва не касаясь затылка. Подняв голову, он обнаружил, что противник разбежался. Во фланги пошли! И стал отползать, меняя магазин. Последний остался, хотя и вместительный, 71 патрон, на всю компанию хватит! Лес, по счастью, не был разреженным. Местность волнами, завалы бурелома, кустарники. Он откатывался к оврагу, уже догадываясь, что дорога будет тернистая, и неизвестно, что в финале. Диверсанты врывались в лес слева и справа, рассыпались, непрерывно вели огонь и передвигались быстрее, чем Алексей! Его преследовала неуютная мысль, что дорогу к оврагу вот-вот перережут. Стоило рискнуть, пойти навстречу – иначе просто зажмут! Он побежал, пригнувшись, влетел в какую-то канаву, засеменял по ней. Левый фланг противника был уже рядом, доносилась матерная «перекличка». Выхватив «лимонку» из под-сумки и вырвав чеку, он продолжал бежать, прижимая рычаг взрывателя к насечкам корпуса, и буквально вклинился в «дружную компанию»! Они летели на него все четверо, растянувшись в цепь. Помогла внезапность. Алексей выкатился из канавы, рухнул, метнув гранату, и успел заметить, как отшатнулся приземистый тип с лицом завхоза овощебазы. Взрывом умертвило, по меньшей мере, двоих – не ожидали лобовой контратаки. Оставались еще двое, но пробиться через эту парочку уже не удавалось – их ярость была на пределе. Овраг был где-то рядом,

и он, пробив очередной заслон из шиповника, скатился в Телячью балку. Каждый кувырок отдавался болью, он стискивал зубы, закрывал голову руками. Противник висел на «хвосте»! Несколько человек, тяжело дыша, уже подбегали к оврагу. Какие-то секунды до показательного расстрела. Вторая «лимонка» уже в руке, чеку к черту – он швырнул ее вверх, за гребень. Истошный визг – кому-то под ноги попала, а времени отпихнуть уже не осталось. Взрывом разметало куски дерна, вырвало молодое деревце...

Алексей уносился прочь по дну балки. Сзади сыпалась земля, гремели выстрелы и взрывы. Вся компания гналась за ним. Сколько их там уцелело – штыков пять? Он немного оторвался от погони, не пропустил ступенчатый подъем – взлетел на него прыжками. Снова лес. Где-то впереди опушка, лесная дорога... Алексей, виляя между деревьями, юркнул за трехствольную осину – и угадал: «нечистая сила» уже лезла из оврага, одуревшая от злости и ярости. Хрипел «лейтенант Аннушкин»: «Быстрее, скоты, что вы копаетесь?!» Первым на капитана выскочил сержант Васюков – и получил пулю прямо в лоб. А он продолжал поливать огнем из-за дерева, заставляя выживших залечь. Сам же стал пятиться к дороге и повалился за мшистый холмик. Похоже, наступил перелом в сражении, диверсанты уже не рвались в наступление. Двое высунулись, он загнал их очередью обратно за деревья и вдруг почувствовал, что автомат заметно полегчал. Отстегнул магазин – пустой. Забросил автомат за спину, извлек «ТТ», передернул затвор. Какое-то время еще продержится.

Но противник выдохся. За деревьями сквернословил Аннушкин – русский матерный он освоил в совершенстве. Был раненый, но неожиданно прозвучал одиночный выстрел, и вой оборвался. Остались двое и Аннушкин. Где-то недалеко раздался треск сучьев, диверсанты уходили. Стоило порадоваться, группа фактически уничтожена, самое лучшее, что они могут сделать – это вернуться на базу.

Несколько минут Алексей выжидал. Оторвал стебелек мятлика, стал жадно жевать – давненько во рту ничего не было. Противник ушел – туда ему и дорога. Он перевернулся на спину, молитвенно посмотрел на светящееся небо, затем поднялся и побрел обратно к оврагу. Нужно было убедиться, что все закончилось. В траве валялся бесхозный труп, раненого диверсанта застрелили в голову. За ним еще один – сержант Васюков с широко открытыми глазами. От головы осталась ровно половина, включая глаза. Алексей нагнулся, порылся в его вещевом мешке. Отыскал булку ржаного хлеба, завернутую в чистую фланель, консервированную сельдь Астраханского рыбзавода, но не стал ничего брать. Вытащил из нагрудного кармана красноармейскую книжку – вполне доброкачественное удостоверение бойца подразделения по охране тыла действующей армии – и убрал ее в планшет. Брезгливо сморщившись, отобрал документ у первого мертвеца. Еще одного он обчистил на другой стороне оврага, двоих в лесу. Делать нечего, надо все собрать...

Несколько минут он лежал за траншеей на своей же «испытанной» позиции, изучал обстановку. Все тихо. Белка сидела на стволе сосны, грызла шишку и косилась в его сторону – словно сомневалась, можно ли ему доверять. Остатки диверсионной группы сюда не заходили, ушли другим маршрутом. Алексей вышел на поляну и увидел, как из землянки выползает смертельно бледный Дробыч с наганом в руке. Он успел выстрелить первым. Дробыч тут же покатился обратно в землянку. Зря старался, столько сил потратил, чтобы вылезти...

Несколько минут капитан собирал документы у мертвых. Образовалась приличная стопка. Маргелов умер не сразу – ползал по бревнам «плаца», пока не истек кровью. Глаза его были бессмысленны, как бессмысленно любое предательство. Алексей покачал головой: эх, Маргелов, Маргелов... Забрал у офицера планшет, повесил себе на плечо – пусть в штабе разбираются, есть ли там что-то ценное. К дороге он вышел уже почти с закрытыми глазами...

Глава третья

Через полчаса его подобрала полторка – автомобильный патруль рыскал по дальним окрестностям Ложка. Машина вывернула из-за леса и мчалась на него, расшвыривая сухую грязь. Он поднял руки, дескать, сдаюсь, подбросьте. Водитель затормозил у самого носа. Станковый пулемет, установленный в кузове, смотрел ему прямо в лоб. Из машины высыпались красноармейцы, наставили на него автоматы.

– Ни с места! – грозно проорал кто-то. – Не шевелиться! – И, схватив за шиворот, стал стаскивать со спины автомат. – Смотри-ка, форму нашу нацепил, падла фашистская! Ну, ничего, мы его быстро расколем!

– Парни, мне бы в штаб, в отдел контрразведки, к подполковнику Крахалеву... – вяло бормотал Алексей. – А тот, кто обозвал меня фашистской падлой, получит лично от меня по зубам. Но не сейчас, устал чего-то...

– Отвезем, не волнуйся. – Обшаривавший его старший сержант вытащил документ и тупо уставился на него. Потом громко расхохотался: – Смотри-ка, парни, фрицы окончательно обнаглели!

– Слушай, старшой, – высунувшись из кабины, проговорил дрогнувшим голосом водитель. – Кажись, это правда наш, видел я его... Ты бы поосторожнее его мутузил...

– Ладно, – немного смутился сержант, – в штаб доставим, пусть разбираются. Лыков, Дорофеев, хватайте его – и в кузов! Руки не распускайте, но смотрите за ним...

Отдохнуть в дороге не удалось – кузов трясся, все бока отбил. Надежная машина – этот прославленный «ГАЗ-АА», но до чего же неудобная...

Минут через двадцать его выгрузили у штаба. Навстречу уже бежали радостные оперативники из его группы: старший лейтенант Саня Шевченко, лейтенанты Коля Одинцов, Вадим Мазинич. Вот уж не ожидали увидеть живого командира!

– Товарищ капитан, живой, чертяка! – грохотал Шевченко, восторженно хлопал его по плечу. – Ты куда пропал, мать твою? Эй, бойцы, осторожнее с ним, это же не картошка!

Красноармейцы смущенно отдали честь, ретировались. Ну, и леший с ними. Но того, кто обозвал его «фашистской падлой», Алексей на всякий случай запомнил.

– Парни, потом все разговоры, ладно? – бормотал он, с трудом переставляя ноги. – Уморился я за эти сутки, а еще Крахалеву докладывать... Меня еще не объявили фашистским перебежчиком?

– Еще нет, – радостно объявил молодой Коля Одинцов, – но к тому уже шло. Товарищ подполковник вчера молнии метал: мол, найти и доставить капитана Макарова, в каком бы виде он ни оказался! Ты, кстати, вовремя, – еще часок-другой, и нас бы снарядили на твои поиски.

Чуть позже Алексей сидел у кабинета Крахалева, вытянув ноги, и наслаждался покоем. Начальник отдела контрразведки изволил отсутствовать. За столом в конце коридора зарылся в ворохе бумаг полноватый, какой-то обтекаемый капитан Верищев – политработник караульного батальона, он же секретарь первичной партийной организации и, по совместительству, политрук батальона. На боевых заданиях этого офицера практически не видели, он воевал на собственном фронте: осуществлял политическое наблюдение за личным составом, формировал политико-просветительскую и воспитательную работу. Верищев листал личные дела и с подозрением поглядывал на капитана.

– Ну, и где ты был, Макаров? – проворчал он недобрым голосом. – Люди с ног сбились.

– Где был, там меня уже нет, Верищев, – не без удовольствия отозвался Алексей. – Наслаждался осенней природой, устроит? Ты работай, не отвлекайся.

– Не нравишься ты мне, Макаров... – процедил Веришев. – Ох, не нравишься...

– Вызовешь на бюро парткома? – встрепенулся Алексей.

– Да вызвал бы, – скривился политработник, – будь ты членом ВКП(б), и не опекай тебя лично подполковник Крахалев. Надо же нянчиться с тобой, как с писаной торбой... А то давно бы дотянулся до тебя хотя бы по партийной линии...

Алексей решил не нарываться. Много он перевидал на фронтах таких чистеньких, самоуверенных, пользующихся своей безнаказанностью (подотчетных лишь членам Военных советов), рьяно следящих за идеологической чистотой подразделений, пасущих офицеров (особенно боевых), только и ждущих момента, чтобы прижать к ногтю тех, кто выходит за рамки. А сами – полные ничтожества, не нюхавшие пороха... «В свободной стране живем, – печально подумал Алексей. – Кого хотим, того и сажаем».

– Нарисовалась, душа пропадающая! – взревел подполковник Крахалев, возникая в другом конце коридора. Схватил Алексея за плечо, потащил к себе в кабинет. – Садись, бродяга, садись! – И ногой подтолкнул ему стул. – Вижу, что еле держишься. Ты, Алексей, как тот мартовский кот, который гуляет, пока ноги не начинают подкашиваться. Имеешь, что сказать? – пытливо уставился он на подчиненного.

– И даже показать, товарищ подполковник... – Алексей поднялся, козырнул и начал извлекать из планшета стопку документов. – Затем бросил отдельно серые «корочки» и добавил: – Вот это офицерская книжка нашего радиста, товарищ подполковник.

Крахалев жадно схватил их, стал вчитываться.

– Это шутка, Макаров? – поднял он изумленные глаза.

– Это вражеский радист, – терпеливо объяснил Алексей. – Тот самый, что колесил по району на служебном транспорте, выходил на связь с фашистами и быстро линял, пока его не успевали запеленговать. Он покончил с собой... под давлением внешних обстоятельств.

– Подожди, но это же... – Крахалев недоверчиво всматривался в фотографию.

– Ну да, за той стенкой сидел, – кивнул Алексей на портрет Виктора Семеновича Абакумова. – Старший лейтенант Орехов, командир наших связистов. Это он, товарищ подполковник, не извольте сомневаться. Пойман на месте преступления, когда разбил рацию и пытался смыться к немцам. Отстреливался до последнего патрона, а последний, увы, – себе. Насколько понимаю, невелика потеря.

– Надо же, век живи – век удивляйся, как говорится. Другому бы не поверил, но вот тебе... А это что за публика? – Крахалев придвинул к себе стопку потрепанных документов.

– Сделано в абвере, – пояснил Макаров. – Передайте в нашу секретную часть – пусть учатся подделывать документы. Качество на уровне мировых стандартов. Однако не помогло. Пара минут найдется, товарищ подполковник? – И он лаконично описал, что случилось после самоубийства радиста и досадной поломки автомобиля. – Собственно, поэтому я и задержался, – завершил свой рассказ Алексей. – Их, в принципе, можно найти, не думаю, что за ними придет очередная диверсионная группа. Не такие уж святые.

– Подожди, Макаров, ты меня запутал... – Начальник контрразведки сегодня неважно соображал. – Объясни, какое отношение вот это, – потряс он подлинным документом Орехова, – сочетается вот с этим? – придвинул он Алексею стопку фальшивых книжек.

– Никак, – ответил Алексей, – разные истории, товарищ подполковник. Радист, уверен, к диверсионной группе абвера не имеет отношения.

– А-а, – неуверенно протянул Крахалев, – так бы сразу и сказал...

– А я не сказал, Виктор Иванович?

– Тебя не поймешь, ты такого нагородил, без бутылки не разберешься... Ну, ты и погулял, Макаров! Тебя послушать – прямо свадьба... Почему со всеми не разобрался? Упустил этого, как его, Аннушкина, и с ним еще парочку?

– Виноват, товарищ подполковник! Их чертова дюжина была, а я один. Не уследил за всеми, каюсь. Я арестован?

– На два часа, – засмеялся Крахалев. – Сядешь в отдельной комнате и напишешь сочинение – как ты провел последние сутки. Со всеми подробностями, ничего не упуская. Личность Маргелова – поищем такого, возможно, реальный персонаж. В деталях опишешь Аннушкина – не только внешне, но и психологический портрет, на кои ты мастак. Твои предположения, где они могли бросить машину. Где ты оставил свою – это, вообще-то, казенное имущество, Макаров... Мы выясним, что произошло на тех складах, – и вообще происходило ли там что-то... А потом решим, наградить тебя или арестовать суток на шестьсот... Иди, Макаров, отдыхай. Голодный, поди?

– Очень, – признался Алексей, – даже вас бы съел. Меня еще не сняли с довольствия?

– Ой, иди в столовую, – отмахнулся Крахалев, – у них сегодня голубцы. Такие же, как наша контора.

– В смысле?

– Ленивые. Все, ступай, капитан, загрузил ты меня по самые гланды. – Крахалев как-то скептически уставился на стопку документов, разложенных веером: – Буду пасьянс раскладывать. Напишешь объяснительную... тьфу, докладную, можешь отдыхать до завтра. Да смотри, не налегай... на свои сэкономленные «наркомовские».

Голубцы в штабной столовой оказались не только ленивые, но также рыхлые и безвкусные. Качество компенсировалось количеством, но сытнее от этого не стало. Похоже, мясо разжижали не только капустой, но и черствым хлебом, подгнившей картошкой и еще какой-то огородной ботвой. «Неужели воруют? – размышлял Алексей, давясь производением местных кулинаров. – Коммунизм еще не построили, а коммуниздят уже все подряд. Давно никого не расстреливали».

Баба Нюра в хате на улице Светлой, где он встал на постой, накормила лучше.

– Нарисовалось ясное солнышко... – ворковала пожилая женщина в платочке, снимая с печи горячие горшки. – Аж не верится, а мы-то с Дуней все глаза проглядели, все ждалки прождали, где же наш квартирант, почему так редко приходит, не случилось ли чего...

– Дела военные, баба Нюра, – бормотал Алексей, обглаживая ароматную куриную ногу и украдкой поглядывая на глуховатую внучку хозяйки, которая в крохотной спальне застлала ему койку. – В штабе приходится ночевать, такая уж служба, не нами придумана...

Дуня за шторкой прыскала в кулачок, лукаво поглядывала. Эта «куриная глухота» (как с юмором величала баба Нюра недуг внучки – последствия взрыва в огороде снаряда дальнобойной артиллерии) была, пожалуй, ее единственным недостатком. Острая на язык, смешливая, миловидная, совсем молодая, а уже вдова – она нарисовалась в его кровати в первую же ночь постоя. Забралась, как змея, без одежды, прижала палец к губам, дескать, тише, незачем бабу Нюру будить, – а потом закатила ему такую «постельную сцену», что он начисто забыл про усталость и узнал много нового! Дуня покинула его «клоповник» лишь в середине ночи, сыто мурлыча, вся такая довольная, призывно виляя бедрами. На следующую ночь визит повторился. Потом она надувала щеки, когда приходилось ночевать на службе, и расцветала, когда он появлялся. Баба Нюра давно уже все поняла, махнула рукой и разве что свечку не держала. Вот и сейчас – поел, составил грязную посуду в тазик (не мыть же, когда в доме две бабы), сладко потянулся. Хозяйка погремела посудой, удалилась в огород. И как Дуняша дотерпела! Примчалась, вся такая одухотворенная, дрожащая – и ведь не объяснишь, что дико устал и душа в запустении. Стащила сарафан, улеглась ему под бок и уставилась так трогательно, что сердце сжалось, а руки сами отправились в поход...

Поспать до вечера удалось урывками – час или полтора. А вечером в дверь забарабанили, и Дуня поскучнела, расстроилась. Нарисовались все трое – члены лично им скомплектованной

группы. Саня Шевченко – рослый, улыбчивый, родом из Подмосковья; ершистый, с крючковатым носом иркутский сибиряк Вадим Мазинич и молодой, не боящийся холодов уроженец Воркуты Николай Одинцов. Всех парней он нашел в армейской разведке. Долго изучал дела, послужные списки, личные пристрастия. И с тех пор ни разу не пожалел. Уже полгода работали вместе, научились понимать друг друга с полуслова. Вот только вчера не повезло – не туда их отправили, куда бы хотелось...

Они ввалились в хату бесцеремонно, вели себя раскованно, топали сапогами. Мускулистый Шевченко взгромоздил на стол вещевой мешок.

– Так, надеюсь, все помнят, как вести себя в приличном обществе? – предупредил Алексей.

– А что такое приличное общество? – озадачился Одинцов, украдкой подмигивая надумавшейся Дуняше.

– У нас сегодня повод, – важно сказал Мазинич, отодвинул Одинцова и извлек из вещмешка бутылку водки. – Помнится, на днях у одного из нас был день рождения – юбилей, так сказать, а мы были столь заняты, что прошли мимо.

– Ну, был, – смутился Алексей. Тридцать лет исполнилось четыре дня назад, но война закрутила, не до юбилеев.

– Тогда позвольте вручить юбиляру этот памятный подарок. – Мазинич поколебался и вытащил вторую бутылку. Потом начал извлекать консервы, хлеб, трофейные немецкие галеты, причудливую колбасу, изогнутую баранкой. – Ты пойми, командир, сегодня, может быть, единственный вечер, когда мы можем спокойно посидеть и по душам пообщаться. Что будет завтра, только Ставка Верховного Главнокомандования знает.

– Баба Нюра, осталось что-то с обеда? – повернулся к женщине Алексей. Странно устроен русский человек: устал, как собака ездовая, хочется отдыха, покоя, чтобы никто не трогал, а вот придут друзья, достанут бутылку (а лучше две), поставят перед фактом – и где та самая усталость?

– Батюшки, ну, конечно, как же не уважить людей? – всплеснула руками баба Нюра, сделала «тайный» знак Дуняше и убежала хлопать шкапами.

Дуня вздохнула, ушла на свою половину, стала там зачем-то щелкать застежками чемодана.

Товарищи перемигивались, ржали, наблюдая за Макаровым. Он никогда не хвастался своими амурными похождениями, но разве что-то утаишь от опытных оперов?

– Я не понял, – нахмурился Алексей, – приказа зубоскалить никто вроде не отдавал. Так что помалкиваем в тряпочку, товарищи офицеры, и держим свою большую иронию при себе. Сами не лучше.

– Хуже, – кромсая ножом разведчика колбасу, сказал Одинцов. – Помнишь медсестру Клавдию Ульяновну из второго медсанбата? Не хочу показывать пальцем, но вот эти двое второго дня навестили ее с полевыми цветами. Как бы по делу заехали – больного замполита навесить... Мне лейтенант Ряшенцев по секрету рассказал...

– Так мы и навестили больного товарища майора, – возмутился Шевченко. – И цветы ему...

– Ну да, заодно и навестили, – хрюкнул Одинцов. – А что, Клавдия Ульяновна – женщина отзывчивая, добрая, никому не отказывает. К ней часто люди с полевыми цветами приезжают... Я так понимаю, товарищ капитан, если существует сын полка, то где-то должна существовать и жена полка, нет?

– Ты просто злишься, что с нами не поехал, – оборвал его Мазинич. – А если бы поехал, сейчас сидел бы довольный, дышал бы полной грудью.

Разгулу этих циников Алексей не препятствовал – лишь бы за дело болели. Баба Нюра оперативно накрыла на стол и покинула помещение.

– Эксплуататор ты, командир, – завистливо вздохнул Шевченко. – У тебя и прислуга, и повариха, и наложница. За что боролись в семнадцатом году?

– Это не прислуга, а обслуга, – поправил грамотный Мазинич. – Разные вещи. Обслуга в Советском государстве желательна и необходима, прислуга – буржуазный рудимент. А то, что они похожи, – так это, у кого что болит... Слушай, командир, нам уже рассказали про твои подвиги. Как ты догадался, что эта кучка раненых – фашистские диверсанты?

– А что тут непонятного? – удивился Одинцов. – Это же фашисты. У них рожи мерзкие. Как увидишь – все понятно. А командир с ними вечером повстречался – лиц, понятно, не видно, по-нашему бухтят. А спозаранку разглядел, все понял – и давай их истреблять пачками...

– Весельчаки вы сегодня, – укоризненно заметил Алексей. – Серьезнее надо быть, товарищи офицеры. Почему не наливаем, Шевченко? Ждешь, пока командир за вас все сделает?

Старший лейтенант спохватился, разлил в доставленные бабой Нюрой стаканы. Первый тост оригинальностью не отличался: за Победу! Недолго осталось. Скоро вышибем фашиста из Советского Союза, а дальше сам до Берлина покатится!

– Не тот фашист пошел, что в сорок первом, – глубокомысленно изрек Мазинич. – Вот раньше – да, наглый был фашист, самоуверенный, шел в атаку под губную гармошку и даже не пригибался. А сейчас обмельчал, невзрачный какой-то стал, не страшный. Вроде и «Тигра» нового изобрел, и фаустпатроны всякие, а все не то. Дух у фашиста сломался, не верит он в победу. А мы верим...

– Ты наливай, наливай, – ухмыльнулся Одинцов, – закрепим, так сказать, нашу веру. Кстати, товарищ капитан, прибыли разведчики, которые проверяли вашу информацию. Все точно. «Виллис» цел и невредим стоял, где вы указали. Кто-то слил бензин из бака. Ну, это нормально. Взяли на буксир, доставили в Ложок, сейчас специалисты «чешут репы», как заставить работать это вредоносное американское изделие. За развилкой на Бараниху обнаружили сломанную полуторку, машина приписана к подразделению войск тыла, подвергшемуся нападению в Пятницком. Там действительно имитация крупных армейских складов, на которые пришли фашистские диверсанты. Напали внезапно, уложили два отделения необстрелянных красноармейцев. Выжил один – получил тяжелое ранение, заполз под фундамент. Сейчас он в больнице, состояние стабильное, дает показания. Группа диверсантов вышла из леса, забросала охрану гранатами, а там в радиусе десяти километров ни одного нашего солдата. Обнаружив пустые складские помещения, пришли в ярость, все подожгли. Он видел, как они переодевались в нашу форму, мотали себе повязки... Того, которого ты знаешь под именем лейтенанта Аннушкина, он видел. Сравнительно молодой, белобрысый, какой-то прилизанный. Был еще в этой гвардии капитан, но парню показалось, что лейтенант главнее...

– Ты уверен, что не подстрелил его? – спросил Шевченко.

– Ушел, гад, – поморщился Алексей. – Он за спинами своих подчиненных прятался, на рожон не лез. Немецкий офицер, сотрудник абвера. С ним были рядовые выпускники разведшколы, плюс бывший советский офицер с документами Маргелова. Раньше были специальные абверкоманды – отводили диверсантов за линию фронта. А теперь, видать, не доверяют бывшим советским гражданам – с ними ходят, на месте контролируют. Склады в Пятницком были промежуточной целью, шли дальше, в Ложок, а возможно, еще дальше. Диверсант, кстати, тоже уже не тот, – брезгливо усмехнулся он. – Хромает подготовка абвера, берут, кого попало, обучают по ускоренной программе. Ликвидировать безусую охрану, ни разу не бывавшую в бою, это легко. А как столкнутся с более опытным противником – пиши пропало, терпят поражение...

– Тела нашли, – сказал Мазинич. – Порезвился ты на славу – десять душ к чертям собачьим. Рацию и старшего лейтенанта Орехова тоже нашли, по твоим следам прошли разведчики. Там уже живность потрудилась – нос выели и оба глаза, м-да...

– Это ты уместно к столу сказал, – «похвалил» Одинцов. – Я как раз хотел за рыбкой потянуться... Эх, ладно! – Он схватил раскрытую банку с сардинами и стал с аппетитом уплетать ложкой.

– Командир, похоже, что-то намечается, – понизил голос Мазинич. – Ты не в курсе? Наши к наступлению готовятся... Составы приходят, разгружают их по ночам, осуществляется скрытное перемещение войск, орудий. Дезинформацию о готовящемся наступлении в районе Ревзино немцы проглотили, а вот поверили ли в нее – неизвестно. Но они ведь не идиоты. У них повсюду агенты – в лесах, селах, так что шила в мешке не утаишь. Что-то секретничают наши военачальники, не создается такое мнение?

– Стоп! – сделал предостерегающий жест Алексей. – Обсуждать то, что происходит, мы не будем. У каждого есть свое мнение, и оно недалеко от истины. Что-то будет. Когда – неизвестно. Надеюсь, не завтра... – Он покосился на закрытую дверь женской половины, потом на оприходованную бутылку водки, на вторую – еще не оприходованную.

– Заметь, ты первый на нее посмотрел, – обрадовался Саня Шевченко и начал сворачивать «объекту» горло...

Глава четвертая

Шестнадцатого сентября 1943 года, после короткой, но интенсивной артподготовки части Калининского фронта перешли в наступление на Невельском направлении. Атаки ждали под Ревзино, но реальный удар пришелся севернее – на городок Калачан, который обороняли два потрепанных мотопехотных полка 16-й армии вермахта. Городок не имел принципиального значения, не являлся транспортным узлом, в отличие от Ревзино, однако именно здесь советские части устремились в прорыв, вклинившись между группами войск «Север» и «Центр». Местность озерно-болотистая, много лесов, населенных пунктов – раз-два и обчелся. Саперы разминировали две пригодные для тяжелой техники дороги, по ним и двинулись к городу четыре танковые роты 78-й танковой бригады. Пехотинцы ударно-штурмовой группы ехали на броне. Севернее и южнее Калачана тоже что-то происходило, доносились звуки ожесточенной канонады. У сводного соединения 3-й ударной армии была своя задача – освободить город и ближайшие окрестности, перекрыть все дороги на запад и закрепиться на западном рубеже – вдоль дороги Шальпино-Невель. Особое внимание уделялось нейтрализации некоего секретного объекта, расположенного севернее городка – за Шагринским лесом. Его отрезали в первую очередь, работали специальные команды 12-го мотострелкового полка. Для немцев это все стало как гром среди ясного неба. Связь не работала (заранее позаботились советские диверсанты), никто не знал, что происходит на флангах. Зенитные орудия на восточном рубеже, установленные на прямую наводку, были мгновенно выведены из строя советской артиллерией. Танки «Т-34» выезжали из леса, вытягивались в цепь и по полю устремлялись к городским окраинам. Автоматчики спрыгивали с брони, шли за танками. Проходы в минных полях уже имелись. Потери по ходу атаки были незначительные, немцы еще не пришли в себя после артподготовки. Танки давили оборонительные позиции, автоматчики врывались в окопы, бросались врукопашную. Бились, чем придется, – кулаками, касками, саперными лопатками. Сопротивление смяли, выжившие солдаты вермахта подняли руки. Пленных собирали в поле под охраной жиденькой цепочки автоматчиков. Основные же силы, прорвав укрепление, устремились к городу.

Калачан представлял собой компактное поселение. До войны в нем проживало восемь тысяч человек, к 43-му году уцелело не больше трех. Несколько промышленных предприятий – практически все при оккупации не работали, щебеночный карьер – на юге, песчаный – на северо-востоке. Ближе к центру городка – кучка двухэтажных бараков, пара кварталов приличных каменных зданий, а остальное – скученный частный сектор с узкими улочками и тесными переулками. Три основные улицы, протянувшиеся с запада на восток, – Подъемная, Центральная и Рассветная, и масса неудобных перпендикулярных проездов. В центре располагалась комендатура, оккупационная администрация, отделения жандармерии и гестапо. Тут же районный отдел полиции, в котором служили полторы сотни местных коллаборационистов.

Маневренные танки «Т-34» растеклись по трем упомянутым улицам и продвигались к центру. Пехота зачищала каждый дом. Мирные жители прятались в подвалах, в огородах. Танки били по очагам сопротивления. Внедорожники «ГАЗ-64», используемые в качестве тягачей, подтаскивали орудия, которые мгновенно устанавливали на позиции и пускали в дело. Ближе к центру сопротивление немцев становилось ожесточеннее, скорость продвижения падала. Несколько десятков человек скопились в здании обувной фабрики, отстреливались из пулеметов и ручных гранатометов. Атака в лоб ничего не дала, штурмовое подразделение понесло потери. Горела «тридцатьчетверка», едва успевшая протаранить ворота фабрики, чадила едким дымом. Подошли еще два танка, встали в переулках, пришлось смять пару заборов. Потные артиллеристы тащили орудия, разворачивали на прямую наводку. По зданию фабрики били жестко, не жалея боеприпасов, сначала снесли второй этаж, потом взялись за

первый. Несколько человек пытались выбраться из горящего ада, их положили автоматчики, залегшие по периметру. Когда от здания осталась кучка чадающих развалин, пехота пошла на штурм – сопротивление было минимальным...

Передовая группа, продвигавшаяся по Центральной улице, отбила здание комендатуры и приближалась к бывшему горсовету, который облюбовала фельд-жандармерия. Немцы оборонялись за баррикадой из горящих машин. В дыму перебежали автоматчики, стреляло оружие на выезде из дальнего переулка. Еще один танк поник стволом, завертелся, разбрасывая гусеницы. Но подошло подкрепление. Место выбывшей «тридцатьчетверки» занял тяжелый танк «КВ-2», открыл беглый огонь по баррикаде. Из полуторок в дыму высаживались пехотинцы, бежали вдоль заборов.

Толковых резервов у немцев не было, они несли тяжелые потери. Несколько штабных машин под прикрытием броневедомоля пытались вырваться из города. Руководство гарнизона бросило в бой «последнюю надежду»: морально сломленную роту местных полицейев. Боевая единица была так себе: «разброд и шатание», мотивации – ноль, только страх за собственную шкуру. Пили без меры, прежде чем отправиться в бой. Лакали самогонку, выбрасывали пустые бутылки. Во дворе горсовета это «потешное войско» сделало попытку перейти в контратаку. Полицаи бежали, выпучив глаза, с «маузерами» наперевес, орали что-то безумное, матерное. Стучал пулемет, они валились гроздьями, но остальные не останавливались. Схлестнулись две лавины. Красноармейцы выхватывали клинки, саперные лопатки, отстегивали штык-ножи от карабинов. Бросались стенка на стенку, бились смертным боем, не скупясь на матерщину. Трещали черепа, хлестала кровь. Попались, голубчики! Пленных не брали, добивали всех без разбора. Самогонка не помогла. Полицаев смяли, небольшой группе удалось просочиться в ближайшие переулки, остальные побежали обратно в здание. Там их и отлавливали по одному – в кладовках, подвалах, на темных лестницах, расстреливали выпрыгивающих из окон...

Лавина катилась дальше, отвоевывая квартал за кварталом. Немцы пятились, яростно огрызались. Раненых уже не подбирали. Несколько трехтонных грузовиков «опель-блиц» пытались выехать в западные предместья. Горел командирский внедорожник «кюбельваген», кучка офицеров сбивала брезентом пламя с горящего майора. Немцы все же продолжали удерживать западные кварталы, сохранялась какая-то видимость организованного сопротивления. Но ненадолго, пока две стрелковые роты под командованием капитана Саблина не ударили с юга – с улицы Рассветной. Там сопротивление было незначительным, бойцы за полчаса отвоевали почти всю улицу. Красноармейцы, воодушевленные успехом, просачивались переулками к Центральной улице, тащили станковые пулеметы. Немцам ударили во фланг губительным кинжальным огнем. Вспыхивали трехтонные «опели», перевозящие офицеров и штабные архивы. Воцарилась паника. Уцелевшие спешили покинуть город, пока не захлопнулась «дверца». Мимо горящих частных домов неслись покореженные грузовики, несколько штабных и санитарных машин, бежали оборванные, деморализованные солдаты 16-й армии. Небольшой арьергард еще оказывал сопротивление нападающим подразделениям Красной Армии, но это были смертники – выйти живыми из боя шансов не имели. Была дальноточная артиллерия – в рядах отступающих гремели взрывы. Нескольким сотням счастливчиков удалось добраться до западного леса, там их пытались перегруппировать. Но танки, прорвавшиеся через весь город, продолжали давить, загоняли фашистов в лес. Наступление развивалось. Подходили свежие части, шли ускоренным маршем через освобожденный город. Рычали танки, тягачи тащили тяжелые орудия. Командование вермахта отдало приказ отступить. Лесистая местность играла на руку гитлеровскому командованию. В ней вязли танки с пехотой, дорог было мало. На флангах происходило примерно то же. На отдельных участках войска продвинулись на 10–15 километров, на других топтались на месте, встречая яростное сопротивление. Взяли Ревзино, продвинулись дальше на пару верст и встали в ожидании подкреплений. К западу от Калачана происходило

что-то подобное. Войска ушли в прорыв, рассосались по лесам и болотам. «Финишной ленточкой» стала автомобильная трасса Шалыпино – Невель. Войска оседлали ее, спешно возводили укрепления, зарывались в землю. Резервы задерживались – через Калачан к двум часам дня части Красной Армии уже не шли. В городе осталась комендантская рота капитана Несмелова. Бойцы зачищали дома, где еще могли оставаться фашисты. Периодически гремели выстрелы. Еще один взвод блокировал засекреченный объект к северу от города, солдаты взяли под контроль небольшую плотину на озере, дизельную электростанцию, все дороги, ведущие к объекту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.